

6, 54

СПРАВЕДЛИВЫ-ЛИ ОБВИНЕНІЯ
ВОЗВОДИМЫЯ
ГРАФОМЪ ЛЬВОМЪ ТОЛСТЫМЪ
НА ПРАВОСЛАВНУЮ ЦЕРКОВЬ
ВЪ ЕГО СОЧИНЕНІИ
«ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО»

А. Рождествина.

ИЗДАНИЕ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА «ВѢРА И РАЗУМЪ».

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1889.

СПРАВЕДЛИВЫ-ЛИ ОБВИНЕНІЯ

ВОЗВОДИМЫЯ

ГРАФОМЪ ЛЬВОМЪ ТОЛСТЫМЪ

НА ПРАВОСЛАВНУЮ ЦЕРКОВЬ

ВЪ ЕГО СОЧИНЕНІИ

«ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО»

А. Рождествина.

ИЗДАНИЕ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА «ВѢРА И РАЗУМЪ».

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія.

1889.

КНИЖНИЙ МАГАЗИНЪ
8386

А. Д. ХАРЧЕНКО

ВЪ ХАРЬКОВѢ

Московский ул. 5 № 2

СПРАВЕДЛИВЫЕ ОБОЗРЕНИЯ

ВЪЗВОДНИКЪ

ГЛАВНОЕ ДРУЖЕСТВО

ИЛИ ПЕРВООБРАЗОВАНИЕ

ВЪ ЕГО СОДЕРЖАНИИ

Дозволено цензурою. Харьковъ, 15 Юня 1889 года.

А. П. ЖЕЛТОВИТЪ

ИЗДАНИЕ ВЪЗВОДНИКА «ВѢРА И РАЗУМЪ»

Отдѣльные оттиски изъ журнала «ВѢРА И РАЗУМЪ» за 1889 годъ.

ХАРЬКОВЪ

Типографія Губернскаго Правленія

1889

Справедливы-ли обвиненія, возводимыя гр. Львомъ Толстымъ на Православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство“?¹⁾

«Христіанинъ не можетъ просто перестать быть христіаниномъ и на томъ и покончить; онъ то и дѣло будетъ бороться съ своимъ бывшимъ Богомъ и въ себѣ самомъ и вокругъ себя; онъ не перестанетъ вѣчно бунтовать противъ начала, которымъ какъ воздухомъ проникнуто все его существо и все бытіе современныхъ историческихъ обществъ; бунтовать непремѣнно озлобленно, вездѣ и всюду — попирая въ силу логической послѣдовательности все, что этимъ началомъ освѣщалось въ мірѣ, что такъ или иначе примыкаетъ къ этому началу». (Ив. С. Аксаковъ).

Архимандритъ Михайлъ (потомъ епископъ), опровергая въ одномъ изъ своихъ сочиненій²⁾ то воззрѣніе нѣкоторыхъ богослововъ, что будто знакомство съ антихристіанскими произведеніями вредно для людей, интересующихся религіозными

1) Останавливаясь долго на вопросѣ о томъ, дѣйствительно-ли разбираемое нами сочиненіе «Церковь и государство» принадлежитъ Льву Толстому, — въ чемъ одно время нѣкоторые выражали сомнѣніе, — мы не считаемъ нужнымъ. Вѣншіе и внутренніе признаки этого произведенія ясно доказываютъ, что оно написано самимъ Львомъ Толстымъ. Языкъ послѣдняго, какъ извѣстно, въ высшей степени оригинальный. Трудно предположить, чтобы кто нибудь могъ такъ хорошо усвоить эту оригинальность, которая есть не что иное, какъ выраженіе извѣстнаго душевнаго склада Толстого.

Затѣмъ, идеи, проводимыя въ сочиненіи «Церковь и государство», суть идеи Льва Толстого, развиваемыя имъ и въ другихъ его послѣднихъ произведеніяхъ. «Церковь и государство» въ данномъ случаѣ не представляетъ изъ себя ничего новаго. Въ немъ Толстой подробно только развиваетъ такіе пункты своего ученія, на которые въ другихъ своихъ сочиненіяхъ дѣлалъ только намеки. Таково его ученіе о христіанскихъ догматахъ, о религіозныхъ обрядахъ (впрочемъ, объ этомъ

вопросами, говорить между прочимъ слѣдующее: «Едва ли ошибемся, если скажемъ, что нѣкоторое сочувствіе къ отрицательнымъ направленіямъ основывается на неполномъ, одностороннемъ и отрывочномъ знакомствѣ съ ними и недостаткѣ изученія ихъ въ историческомъ и теоретическомъ ихъ развитіи. Все плѣнительное, кромѣ истины, болѣе плѣнительно издали, на извѣстномъ разстояніи, при извѣстномъ освѣщеніи, при неполномъ, отрывочномъ знакомствѣ съ нимъ: а подойти къ нему поближе, всмотрѣться попристальнѣе, вникнуть въ него, такъ сказать, въ домашнемъ быту,—и красота его, какъ мнимая, теряетъ свою обаятельность и становится чловѣкъ въ должное отношеніе къ нему безъ увлеченія. То же самое и съ этими идеями, теоріями и воззрѣніями; если уже нельзя не знать ихъ, то прямое отношеніе къ нимъ—лучшее средство противъ увлеченія ими и какими бы то ни было популярными ихъ изложеніями.... До тѣхъ же поръ, пока у насъ не будутъ прямо серьезно разбираемы и обсуживаемы эти самыя идеи, теоріи и воззрѣнія въ ихъ сущности и историческомъ развитіи, всякая книга, подобная Ренановой, всякое популярное изложеніе ихъ неизбѣжно будетъ волновать общество нетвердыхъ и неискусныхъ болѣе, чѣмъ при отчетливомъ знакомствѣ съ ними, особенно если подобныя книги будутъ прикрываться красивою наружностію, которая такъ часто соблазняетъ и увлекаетъ многихъ даже изъ проникательныхъ... До тѣхъ поръ всякій, кому не случайно, или случайно попала такого рода книга, или кто слышался о подобныхъ

онъ весьма подробно говорить и въ «Ma religion», объ ученіи апостоловъ, о государственной власти, о войнѣ, объ отношеніи государственной власти къ Церкви и т. д. Поэтому-то, если-бы даже сдѣлали уступку, что сочиненіе «Церковь и государство» написано не Львомъ Толстымъ, а кѣмъ нибудь другимъ, то мы все-таки должны были-бы разсматривать излагаемое въ немъ ученіе, какъ ученіе Льва Толстого.

Считаемъ также своимъ долгомъ сказать, что подъ руками у насъ былъ гектографированный списокъ разбираемаго нами сочиненія Толстого, озаглавленный такъ: «Церковь и государство. Льва Толстого. «1886 года». Въ сочиненіи этомъ встрѣчаются нѣрѣдко неясности. Отъ кого онѣ зависятъ,—не знаемъ,—отъ самого ли Льва Толстого, или отъ гектографа. Мы съ своей стороны въ точности передавали то, что написано въ сочиненіи.

1) «О Евангеліи и Евангельской исторіи»

книгахъ, узналъ о нихъ и изъ нихъ кое-что, также можетъ волновать и увлекать». Эти слова почтеннаго ученаго, по нашему мнѣнію, полны глубокой правды. Истина ихъ какъ нельзя лучше подтвердилась въ нашемъ отечествѣ въ послѣднее время, когда стали выходить богословскія (если такъ можно назвать ихъ) сочиненія извѣстнаго нашего писателя-беллетриста г. Л. Толстого. До тѣхъ поръ, пока не появились критическія статьи объ этихъ сочиненіяхъ, бѣольшая часть нашего общества знакомилась съ содержаніемъ ихъ по наслышкѣ. Намъ неоднократно приходилось встрѣчаться съ лицами, которыя разсуждали о религіозныхъ воззрѣніяхъ Толстого, не прочтя ни одного изъ его послѣднихъ произведеній. Результатомъ такого знакомства съ quasi-богословскими сочиненіями нашего талантливаго писателя-беллетриста явилось то, что многіе на эти сочиненія стали смотрѣть какъ на нѣчто великое, имѣющее въ будущемъ произвести переворотъ во всей нашей Церкви. Въ «Новомъ евангеліи» его видѣли истинное Евангеліе; въ «Ma religion» — здоровое понятіе о христіанской нравственности; въ «Церкви и государствѣ» — истинный взглядъ на православіе и іерархію. Самое запрещеніе цензурою сочиненій Толстого объясняли боязнію іерархіи потерять авторитетъ въ народѣ, такъ какъ де сочиненія Толстого разсѣвають тѣ заблужденія, которыя поддерживаются въ народѣ нашимъ духовенствомъ. Понятно, люди, хорошо знакомые съ ученіемъ православной Церкви, слыша разсужденія о религіозныхъ воззрѣніяхъ Толстого, хорошо понимали всю ихъ несостоятельность. Но такихъ людей въ нашей православной Руси весьма немного. Бѣольшая часть нашего общества знакома съ христіанскою религіей въ высшей степени поверхностно. Мы не говоримъ уже о глубокомъ пониманіи догматической стороны христіанской религіи (оно отсутствуетъ часто у лицъ, получившихъ даже богословское образованіе); даже и нравственное ученіе христіанства понимается весьма слабо, а часто даже и превратно ¹⁾. Спросите свѣтскаго интеллигент-

¹⁾ Впрочемъ, безъ глубокаго пониманія догматовъ христіанской религіи, трудно усвоить и ея нравственное ученіе.

наго челоѣка, въ чемъ состоитъ существенная сторона христіанской нравственности, и вы услышите отъ него, что вся сущность послѣдней состоитъ въ любви къ ближнему,— любви, выраженной въ дѣланіи добра ¹⁾. На ваше возраженіе, что это только одно изъ средствъ къ достиженію высшей конечной цѣли, онъ отвѣтитъ только недоумѣніемъ ²⁾. Мы далеки отъ того, чтобы слагать въ данномъ случаѣ всю вину на интеллигентное общество. Религіозное невѣжество послѣдняго зависитъ много отъ постановки преподаванія Закона Божія въ нашихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ чемъ состоитъ ненормальность этого преподаванія,—мы не будемъ говорить. Объ этомъ слишкомъ много писалось въ нашихъ духовныхъ журналахъ. Мы съ своей стороны искренно убѣждены, что до тѣхъ поръ, пока преподаваніе Закона Божія въ нашихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ будетъ носить характеръ чисто казенный, наше интеллигентное общество не выйдетъ изъ своего религіознаго невѣжества, Евангеліе не перестаетъ

¹⁾ Спустя довольно продолжительное время послѣ того какъ были написаны эти строки, намъ пришлось прочитать въ одной казанской газетѣ («Виржевой Листокъ» 1888 г., № 158) слѣдующія разсужденія нѣкоего Иванова въ его замѣткѣ «Этические недоразумѣнія». «Какъ-бы различно не выражали моралисты свою мысль о нравственномъ идеалѣ, они непремѣнно повторяютъ основной законъ христіанской морали: «любите другъ друга». Это—«послѣднее слово» общечеловѣческой нравственности. Другого идеала нравственности нѣтъ, какъ-бы ни было различно міросозерцаніе проповѣдниковъ». А вотъ разсужденіе автора этическихъ недоразумѣній «о рабствѣ»: «вникая въ сущность дѣла съ цѣлію опредѣлить, отъ какихъ причинъ зависятъ измѣненія въ понятіяхъ о нравственности, мы замѣтимъ тѣсную зависимость этихъ понятій отъ организаціи общества, отъ его экономическихъ отношеній. Въ древнихъ государствахъ, краеугольнымъ камнемъ которыхъ было рабство, покорность рабовъ возводилась въ степень добродѣтели. Христіанство, появившееся тоже во время рабства, не смотря на свой идеалъ равенства людей «во Христѣ»,—все-таки санкціонировало рабство на землѣ: «рабы господамъ своимъ да повинуются». Вотъ какое сужденіе о христіанской морали высказываетъ челоѣкъ, претендующій даже на разрѣшеніе современныхъ этическихъ недоразумѣній...

Примѣч. Мы сдѣлали выдержку изъ вышеупомянутой замѣтки не потому, что придаемъ ей какое-нибудь научное значеніе, а потому, что въ ней выражается взглядъ на христіанскую нравственность челоѣка, получившаго по всѣмъ признакамъ высшее образованіе.

²⁾ Конечно, и между свѣтскими интеллигентными лицами есть люди, понимающіе духъ христіанской религіи; но подобныхъ людей немного, на нихъ нужно смотрѣть, какъ на счастливыя исключенія.

нетъ казаться для него книгою скучною ¹⁾ и притомъ излишнею послѣ заученія наизусть священной исторіи и «начатковъ христіанскаго вѣроученія» Филарета.

Само собою понятно, когда стали распространяться религіозныя воззрѣнія Толстого, наше интеллигентное общество, при своемъ скудномъ познаніи христіанской религіи, не въ состояніи было оцѣнить достоинство ихъ. Привыкнувъ смотрѣть на Толстого, какъ на человѣка въ высшей степени даровитаго, всесторонне образованнаго, а къ тому же и искренняго, какимъ онъ заявилъ себя въ своей «Исповѣди», наше интеллигентное общество конечно не могло предположить, чтобы этотъ человѣкъ излагалъ ученіе православной Церкви ошибочно. Оно вѣрило ему вполне... И эта вѣра не могла не убѣдить его (общество) въ неистинности православной вѣры. Въ самомъ дѣлѣ, это ли истинная и возвышенная религія, которая навязываетъ Христу то, чего Онъ не говорилъ? ²⁾ Такъ Христосъ, говоритъ Толстой, не училъ о личномъ Богѣ. «Отнынѣ, говорится въ Евангеліи Іоанна, Богъ уже не будетъ особенный отъ людей» ³⁾, а попы навязали Христу ученіе о Богѣ, какъ существѣ отдѣльномъ отъ міра и человѣка. «Христосъ училъ о томъ, что Богъ, пока люди живутъ, не вступается въ ихъ жизнь» ⁴⁾, а богословы трактуютъ о промыслѣ Божіемъ. Христосъ разумѣлъ подъ «Духомъ Святымъ» истинное ученіе, ⁵⁾ а «святодуховскіе сектанты» (такъ Толстой

¹⁾ Такой взглядъ на Евангеліе составляетъ вполне естественно. Заучиваніе наизусть—часто безъ всякаго пониманія—катихизиса невольно поселяетъ въ душѣ ученика нерасположеніе ко всякой книгѣ, трактующей о религіи.

²⁾ Въ своемъ предисловіи къ «Новому евангелію» Толстой говоритъ: «Источникъ христіанскаго ученія—Евангеліа, и въ Евангеліяхъ я находилъ объясненіе того смысла, который руководилъ жизнью всѣхъ людей. Но рядомъ съ этимъ источникомъ чистой воды жизни, я нашелъ незаконно соединенную съ нимъ грязь и тину, которая одна заслоняла для меня его чистоту. Рядомъ съ высокимъ христіанскимъ ученіемъ я нашелъ, связанное съ нимъ, чуждое ему безобразное ученіе еврейское и церковное. Я находился въ положеніи человѣка, который бы получилъ мѣшокъ вонючей грязи, и только послѣ долгой борьбы и труда, нашелъ бы, что въ этомъ мѣшкѣ, дѣйствительно, лежитъ, заваленная грязью, безцѣнная жемчужина».

³⁾ «Новое евангеліе».

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ Ibid.

называетъ православныхъ пастырей) стали, на основаніи этихъ словъ Христа, учить о Духѣ Святомъ, какъ третьемъ лицѣ Св. Троицы. Христосъ называлъ Богомъ разумѣніе жизни (λογος), а попы это названіе (λογος) перенесли на самого Христа, и стали почитать Его за Бога ¹⁾. Затѣмъ, богами стали считать какъ всѣхъ порочныхъ лицъ (напр. Константина), которые въ точности исполняли измышленную попами безнравственную вѣру ²⁾, такъ и самихъ поповъ, потому что де въ нихъ сидитъ Духъ Святой ³⁾. Христосъ не училъ ни о какихъ личныхъ безплотныхъ духахъ (ангелахъ), а если и употреблялъ названіе «ангелъ Божій», то разумѣлъ подъ этимъ силу безконечнаго начала (Бога); богословы же стали толковать слова Христа по-своему и подъ словомъ «ангелы» стали подразумѣвать личныхъ духовныхъ существъ, отличныхъ отъ Бога ⁴⁾. Христосъ не творилъ чудесъ, а богословы, кромѣ того, что навязали Ему множество чудесъ, стали еще обращаться въ чудеса простое ученіе Его ⁵⁾. Христосъ не прида-

¹⁾ Ibid.

²⁾ «Церковь и государство».

³⁾ «Церковь и государство».

⁴⁾ «Въ чемъ моя вѣра».

⁵⁾ Большую часть чудесъ Толстой отвергаетъ, какъ позднѣйшія наслоенія; но нѣкоторыя изъ чудесъ онъ старается объяснить естественнымъ путемъ; такъ напр., исцѣленіе скорченной представляется у него дѣйствіемъ обыкновеннаго врачеванія. Слепой, чудесно прозрѣвшій, является въ толкованіи Толстого глупымъ, который все понял, какъ скоро узналъ отъ Иисуса, что, онъ, глупый, сынъ Бога-Духа. Вотъ какъ между прочимъ передаетъ Толстой это евангельское сказаніе: «По дорогѣ увидалъ Иисусъ человѣка, глупаго отъ рожденія. И спросили ученики, кто виноватъ въ томъ, что человѣкъ этотъ отъ рожденія глупъ; онъ или родители его? И сказали Иисусъ: не виноваты ни родители его, ни онъ самъ, но въ томъ дѣло Божіе, чтобъ былъ свѣтъ тамъ, гдѣ была тьма. И Иисусъ открылъ глупому ученіе о томъ, что онъ, глупый, сынъ Бога-Духа, и, познавъ это ученіе, глупый позналъ свѣтъ. Призвали этого человѣка къ православнымъ учителямъ, и спрашивали его православные, какъ онъ сталъ понимать все, когда прежде былъ глупъ. Онъ сказалъ: не знаю какъ, но знаю, что теперь все понимаю и т. д.»

Примѣч. Православными учителями Толстой называетъ фарисеевъ. Саддукеи у него называются—раскольниками, мытари—невѣрными, начальникъ синагоги—православнымъ старостой церковнымъ. Эти приемы въ своемъ толкованіи Толстой допускаетъ съ цѣлію приблизить «новое евангеліе» къ пониманію деревенскаго люда. Съ этой же цѣлію нѣкоторые евангельскіе рассказы излагаются народнымъ языкомъ. Такъ, въ притчѣ о богатомъ и Лазарѣ богатый выражается такъ: «Ав-

валъ своей смерти никакого значенія, а попы, не желая вести борьбу со страстями и желая спастись болѣе легкимъ способомъ, придали смерти Христа искупительное значеніе и стали говорить, что Христосъ, сынъ Бога, затѣмъ только и приходилъ, чтобы всѣхъ искупить, что послѣ Его смерти христіанинъ можетъ жить, какъ хочетъ, потому что Христосъ своей ¹⁾ смертью освободилъ людей отъ грѣховъ. Христосъ училъ о возстановленіи (торжествѣ) сына человѣческаго, и разумѣлъ подъ сыномъ человѣческимъ свѣтъ, присущій душѣ каждаго человѣка ²⁾, а попы замѣнили слово «возстановленіе» словомъ «воскресеніе», назвали сыномъ человѣческимъ самого Христа и увѣрили народъ, что Христосъ училъ о своемъ личномъ воскресеніи ³⁾. Христосъ учитъ о возстановленіи жизни и полагаетъ это возстановленіе въ томъ, что человѣкъ жизнь свою переноситъ въ Бога, то есть живетъ разумно, а богословы, замѣнивъ по обыкновенію слово «возстановленіе» словомъ «воскресеніе», навязали Христу ученіе о личномъ плотскомъ воскресеніи ⁴⁾. Христосъ полагалъ сущность жизни каждаго человѣка въ борьбѣ между стремленіемъ къ жизни животной и жизни разумной, а попы, назвавъ эту борьбу «прелестью или гордостью», стали полагать сущность жизни въ размышленіи о томъ, какое естество у какого изъ лицъ Троицы, какія таинства надо и не надо совершать, на какомъ хлѣбѣ—квасномъ или прѣсномъ надо совершать Евхаристію, какъ надо слагать персты и проч. и проч. ⁵⁾ Христосъ прямо говоритъ, что Онъ пришелъ разрушить всѣ догматы, а богословы навязываютъ Ему ученіе о множествѣ

раамъ, батюшка, вонъ съ тобою Лазарь коростовый сидитъ; онъ у меня ваялся подъ заборомъ». (Лк. XVI, 24). Краткая притча о закваскѣ передается слѣдующими словами: «какъ баба пуститъ въ дежу закваску и смѣшаетъ съ мукой, она ужъ не ворочаетъ ее и ждетъ, чтобы она сама закисла и поднялась: такъ Богъ, пока люди живутъ, не вступаетъ въ ихъ жизнь».

¹⁾ «Въ чемъ моя вѣра». «Нов. евангеліе». «Церковь и государство».

²⁾ «Новое евангеліе». «Въ чемъ моя вѣра».

³⁾ «Въ чемъ моя вѣра».

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ «Въ чемъ моя вѣра». «Церковь и государство».

догматовъ ¹⁾, и людей, которые не признають измышленныхъ ими догматовъ, они рѣжутъ, жгутъ и притѣсняютъ ²⁾. Христосъ отвергъ всѣ обряды, а попы считаютъ обряды сущностью христіанской религіи и полагають спасеніе человѣка въ нихъ только однихъ ³⁾. Христосъ училъ: 1) не обижать никого и дѣлать такъ, чтобы ни въ комъ не возбудить ропота; 2) не любезничать съ женщинами, чтобы не оставлять той жены, съ какой сошелся; 3) ни въ чемъ не клясться; 4) не противиться злему; 5) не дѣлать различія между своимъ отечествомъ и чужимъ. А попы не только не учатъ этому народъ, а говорятъ желающему сдѣлаться христіаниномъ: «ты хочешь сдѣлаться христіаниномъ и продолжать быть атаманомъ разбойниковъ, бить, жечь, блудить, воевать, казнить, роскошествовать? Можно ⁴⁾. Христосъ запретилъ учительство, а его преемники не только не исполнили этой заповѣди, а даже насильственно навязываютъ людямъ христіанскую (въ искаженномъ видѣ) вѣру ⁵⁾. Христосъ своимъ ученіемъ разрушилъ весь государственный строй, уничтожилъ всѣ власти, а попы, послѣ принятія христіанской вѣры Константиномъ, объявили, что всѣ власти отъ Бога, и не только власти, но и порочныя дѣйствія властителей земли отъ Бога ⁶⁾. Христосъ своимъ ученіемъ хотѣлъ утвердить Царство Божіе на землѣ, а попы, придумавъ свое ученіе, при которомъ братство между людьми немислимо, стали говорить, что Христосъ училъ о царствѣ небесномъ, а не земномъ ⁷⁾. Христосъ и не думалъ учреждать никакой церкви, а попы, мало того, что навязали Христу это ученіе, а стали говорить даже, что безъ церкви немислимо спасеніе ⁸⁾. Христосъ не установилъ ни одного таинства, а попы приписываютъ ему установленіе семи таинствъ и говорятъ, что въ таинствахъ то и заключается вся суть

1) «Церковь и государство».

2) «Церковь и государство». «Въ чемъ моя вѣра».

3) «Въ чемъ моя вѣра». «Церковь и государство».

4) «Церковь и государство».

5) Ibid.

6) «Въ чемъ моя вѣра».

7) «Церковь и государство».

8) «Въ чемъ моя вѣра». «Церковь и государство».

христіанства» ¹⁾. Исказивъ такимъ образомъ ученіе Христа, и навязавъ Ему множество своихъ фантастическихъ бредней, богословы, по Толстому, придумали множество еще другихъ нелѣпостей, которымъ учать народъ и которыми доставляютъ себѣ доходъ. Къ числу такихъ нелѣпостей Толстой относитъ почитаніе чудотворныхъ иконъ и мощей; причемъ, вмѣсто мощей, по утверженію Толстого, Кіевскіе митрополиты показываютъ народу набитые соломой мѣшки ²⁾. Вотъ какова въ изложеніи Толстого православная вѣра ³⁾. Что же могли подумать о ней лица, которымъ она, до появленія quasi-богословскихъ сочиненій Толстого, была также мало извѣстна, какъ самому Толстому? А вѣдь Толстой долженъ представляться намъ болѣе знакомымъ съ православной религіей, чѣмъ кто либо другой: онъ читалъ всѣ ветхозавѣтныя книги, всѣ четыре Евангелія, посланія Апостоловъ, творенія св. отецъ и даже православное догматическое богословіе. Другіе же наши, такъ называемые интеллигентные люди не только не читали священныхъ ветхозавѣтныхъ книгъ, посланій апостольскихъ и твореній святыхъ отцовъ, но ни разу не имѣли въ рукахъ даже Евангелія. Вы часто можете встрѣтить у интеллигентныхъ людей большія библіотеки, въ которыхъ находятся книги по различнымъ отраслямъ знанія, но между этими книгами вы напрасно стали бы искать Евангеліе ⁴⁾, его нѣтъ въ библіотекѣ... Разумѣется, такія лица, которыхъ, повторимъ. въ нашемъ отечествѣ очень и очень много, познакомившись съ сущностью православной вѣры по изложенію ея такимъ авторитетнымъ лицомъ, какъ Л. Толстой ⁵⁾, не могли не воз-

¹⁾ «Въ чемъ моя вѣра». «Церковь и государство».

²⁾ «Церковь и государство».

³⁾ Мы выставили всѣ существенные пункты вѣроученія и нравоученія Толстого для того, чтобы яснѣе показать читателямъ знакомство Толстого съ православной вѣрой.

⁴⁾ Мы въ данномъ случаѣ разумѣемъ большинство, а не всю нашу интеллигенцію; какъ увидимъ ниже, и между свѣтскими интеллигентными лицами есть лица, не подходящія подъ уровень большинства. Такія лица, если не имѣютъ широкихъ богословскихъ познаній, то по крайней мѣрѣ не питаютъ ненависти къ нимъ и не считаютъ всякое богословское сочиненіе вздоромъ.

⁵⁾ Насколько въ нашемъ обществѣ велико уваженіе къ авторитету выдающихся писателей и въ частности къ Л. Толстому, это знаетъ самъ Толстой. Въ

мутиться въ душѣ противъ обмана поповъ. Начали составляться цѣлыя общества, поставлявшія себѣ задачей «открывать глаза такъ долго бывшимъ жертвою обмана русскимъ людямъ». Лица, прежде индифферентныя къ религіи, приняли горячее участіе въ распространеніи идей Толстого. И вотъ послѣднія, благодаря такой усердной пропагандѣ, стали проникать даже въ сознаніе нашихъ крестьянъ ¹⁾.

Конечно, если вникнуть въ сочиненія Толстого, то въ ложности его взглядовъ на православіе можно легко убѣдиться и человѣку мало знакомому съ православной вѣрой: такъ какъ въ сочиненіяхъ его заключается масса противорѣчій; но для этого нужно во-первыхъ прочесть со вниманіемъ всѣ сочиненія Толстого, которыя достать очень трудно ²⁾, а затѣмъ нужно имѣть способность къ философской критикѣ, на которую далеко не всѣ способны. Религіозныя воззрѣнія Толстого болѣе и болѣе пріобрѣтали въ нашемъ обществѣ сочувствіе...

одномъ изъ номеровъ газеты «Казанскій Биржевой Листокъ» за 1888 годъ былъ разсказанъ слѣдующій эпизодъ изъ жизни Толстого. (Эпизодъ, по утверженію газеты, разсказанъ самимъ Толстымъ). Однажды Толстой отослалъ въ редакцію одного журнала какое-то свое произведеніе, не обозначивъ при этомъ имени автора. Редакція отказалась принять это произведеніе, какъ слабое, и не заслуживающее вниманія. Когда-же открылось, что авторъ отвергнутаго редакціей произведенія—Л. Толстой, то редакторъ усердно сталъ умолять Толстого, чтобы онъ уступилъ свое произведеніе. «Мы не знали, говорилъ редакторъ, что это произведеніе ваше». То же самое случилось и съ Щедринымъ (Салтыковымъ).

¹⁾ См. «Моск. Церк. Вѣд.» 1887 г., № 3. Сообщение священника Сергія Богословскаго (изъ Дмитровскаго уѣзда).

²⁾ Что антихристіанскія сочиненія не всегда производятъ на читателей вредное вліяніе, лучшимъ доказательствомъ этому служитъ слѣдующее обстоятельство. Когда вышла книга Ренана «Жизнь Иисуса», то наше интеллигентное общество также не осталось равнодушнымъ къ этой книгѣ; послѣдняя расходилась во множествѣ экземпляровъ. Но на нѣкоторыхъ «Жизнь Иисуса» произвела какъ разъ обратное дѣйствіе, чѣмъ какого ожидалъ авторъ. Извѣстный профессоръ Московской Духовной Академіи П. С. Казанскій († 14 февраля 1878 г.), относившійся ко всѣмъ общественнымъ и церковнымъ вопросамъ съ живымъ участіемъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ (17 окт. 1863 г.) къ брату Платону—епископу Костромскому—писалъ между прочимъ слѣдующее: «Говорятъ, нѣкоторые изъ невѣрія пришли къ христіанству, прочитавъ книгу Ренана, говоря: если Иисусъ Христосъ дѣйствительно такой человѣкъ, какимъ изображаетъ его Ренанъ, то Онъ былъ Богъ». «Прав. Обзоръ» 1883 г., Іюль. «Недавнее прошлое по письмамъ Современника», стр. 518.

Къ счастію наша богословская литература не осталась равнодушною къ подобному явленію. Рядомъ статей о послѣднихъ произведеніяхъ Толстого она открыла глаза обольщеннымъ «поклонникамъ» новаго богослова; разъяснила имъ, что сочиненія послѣдняго вовсе не такъ глубокомысленны и научны, какъ ихъ представляютъ, что они не только не открываютъ истиннаго смысла христіанской религіи, а напротивъ до невозможности искажаютъ его; и что выдаваемая за христіанскую вѣру вѣра Толстого есть его собственное измышленіе. Намъ нѣсколько разъ приходилось сталкиваться съ лицами, на которыхъ богословскія статьи о сочиненіяхъ Толстого произвели должное дѣйствіе. «Изъ нихъ (статей), говорили эти лица, мы ясно убѣдились до какой степени ничтожны и шатки воззрѣнія Толстого» ¹⁾.

Оставляя въ сторонѣ сочиненія Толстого: «Исповѣдь», «Въ чемъ моя вѣра» и «Новое евангеліе», о которыхъ уже достаточно было писано ²⁾, мы постараемся по возможности полнѣе

1) На основаніи съ одной стороны своего личнаго опыта, а съ другой—на основаніи нѣкоторыхъ литературныхъ замѣтокъ мы не можемъ согласиться съ часто встрѣчаемымъ въ нашихъ духовныхъ журналахъ мнѣніемъ, будто статьи, печатающіяся въ духовныхъ журналахъ, совсѣмъ не читаются свѣтскимъ обществомъ. Правда, процентъ свѣтскихъ лицъ, интересующихся богословскими сочиненіями, очень ограниченъ; тѣмъ не менѣе нельзя игнорировать его совсѣмъ. И нужно замѣтить, что подобныя лица не отсутствовали въ нашемъ отечествѣ и въ 60-хъ годахъ, когда рационалистическое направленіе считалось особенно моднымъ. Упомянутый уже нами профессоръ П. С. Казанскій въ одномъ изъ своихъ писемъ (1864 г. 6 янв.) къ брату Платону писалъ между прочимъ слѣдующее: «Московскій высшій кругъ занимаетъ Ренанъ. Но выходящія вмѣстѣ съ тѣмъ опроверженія на него, выписанныя изъ за границы, показываютъ, что охотно выслушивается и противный голосъ». «Прав. Обзорѣніе» 1883 г. Іюль. «Недавнее прошлое въ письмахъ современника», стр. 522.

2) Лучшія критическія статьи о послѣднихъ произведеніяхъ Толстого, по нашему мнѣнію, слѣдующія:

1) «Наши новые философы и богословы.» Графъ Л. Н. Толстой. Остроумова. «Вѣра и Разумъ». 1885 г. Октябрь и Декабрь.

2) «Л. Н. Толстой, его исповѣдь и мнимо-новая вѣра.» А. Гусева.—«Правосл. Обзоръ.» 1886 г. Январь и далѣе.

3) «Объ истинномъ тѣлѣ и истинной крови Христовыхъ въ св. Евхаристіи» (противъ Л. Толстого). Архіеп. Никанора.—«Странникъ.» 1886 г. № 5.

4) «Бесѣда о томъ, что нельзя отдѣлять Господа нашего Иисуса Христа, Главу Церкви, отъ тѣла Церкви и въ частности отъ св. пророковъ и апостоловъ». (Противъ графа Л. Толстого). Архіеп. Никанора.—«Странникъ» 1886 № 10 и дал.

разобрать его сочиненіе «Церковь и государство», которое по своей лживости, поверхностности и злобѣ едва ли не превосходить всѣ вышепоименованныя произведенія, и о которомъ къ сожалѣнію за исключеніемъ бесѣды архіеп. Никанора ¹⁾ и краткой статьи Орфано ²⁾ еще не было писано въ нашихъ духовныхъ журналахъ ³⁾.

Цѣль своего сочиненія мы полагаемъ не въ томъ, чтобы направить самого Толстого на путь истинный. Эта цѣль была бы совершенно излишней претензіей съ нашей стороны. Міросозерцаніе Толстого не есть міросозерцаніе только начинающаго свободно мыслить юноши. Составилось оно подъ вліяніемъ не одной только головы, разсудочной рефлексіи, а строя его души и сердца, подъ вліяніемъ извѣстныхъ внутреннихъ влеченій и потребностей. Такихъ людей не разубѣждаютъ никакіе логическіе резоны, какъ бы ясны, сильны, основательны они ни были. Объ этомъ явленіи говоритъ извѣстная грече-

5) «Въ чемъ должна состоять истинная вѣра каждого человѣка» (по поводу «Исповѣди» и «Евангелія» Толстого А. Орфано. «Чтеніе въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія». 1886 г. Іюль—Августъ и дал. и 1887 г. Январь и дал.

6) Л. Н. Толстой въ русской и отчасти иностранной критикѣ. А. Волкова.—«Прав. Собесѣдникъ». 1886 г. Май и дал.

7) «О новомъ евангеліи гр. Толстого», свящ. Н. Елеонскаго.—«Чтенія въ обществѣ любит. дух. просвѣщ.», 1887 г. Январь.

8) Объясненіе Мв. V, 22, 38—42; VII, 1. Лк. VI, 37 у графа Толстого Солдертинскаго.—«Христ. Чтеніе». 1887 г. Мартъ—Апрѣль.

Недавно членъ французскаго института Леруа-Болье издалъ обширный этюдъ подъ заглавіемъ «La religion en Russie Les reformateurs. Le comte Léon Tolstoï, ses précurseurs et ses émules». Главная мысль книги та, что ученіе русскаго писателя можно объяснить средою, въ которой онъ живетъ и изъ котораго оно возникло. Въ ученіи этомъ нѣтъ ничего новаго, что не проповѣдывалось бы раньше графа Толстого русскими сектантами. Онъ только развилъ, оформилъ и комментировалъ идеи духоборцевъ и молоканъ. Отзывъ о книгѣ Леруа-Болье см. въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1888 г. № 12.

¹⁾ Церк. Вѣдомости. 1888 г.

²⁾ Статья Орфано. «Въ чемъ должна заключаться истинная вѣра каждого человѣка»,—длинна и весьма обстоятельна; но авторъ ея имѣлъ цѣлю рассмотреть главнымъ образомъ «Въ чемъ моя вѣра» и «Новое евангеліе», Толстого. Сочиненія же Толстого «Церковь и государство» авторъ касается только настолько, насколько оно имѣетъ связь съ первыми двумя сочиненіями.

³⁾ А. Θ. Гусевъ, поставившій своей задачей выяснить вопросъ о связи нравственности съ религіей, разбираетъ только тѣ мѣста изъ соч. Толстого «Церковь и государство», которыя направлены противъ догматовъ.

ская пословица: *οὐ μὴ πείσῃς, καὶ μὲ πείσῃς*. Онъ отлично понимаетъ вашу аргументацію, хорошо сознаетъ силу вашихъ доводовъ, не въ состояніи ничего возразить противъ нихъ, и все-таки остается при своемъ. Фундаментъ убѣжденія остается нисколько не поколебленнымъ, потому что онъ не въ головѣ, не въ мышленіи, а въ самой душѣ и сердцѣ и чтобы разубѣдить такого человѣка, нужно передѣлать весь строй его души, дать иное направленіе его желаніямъ и влеченіямъ, чувствамъ и потребностямъ, его симпатіямъ и антипатіямъ. Сдѣлать это такъ трудно, что почти невозможно ¹⁾.

Не ставимъ мы себѣ цѣлю и того, чтобы разсѣять заблужденія слѣпыхъ поклонниковъ Толстого, которые, принявъ симпатичное для нихъ міросозерцаніе послѣдняго, не хотятъ знать ничего, несогласнаго съ этимъ міросозерцаніемъ ²⁾. Задача нашего сочиненія—дать сильную оцѣнку воззрѣній Толстого для тѣхъ, которые, познакомившись съ его сочиненіями, не вѣрятъ ему на слово, а желаютъ знать (мы разумѣемъ лицъ не получившихъ богословскаго образованія) сужденія и другихъ лицъ, изучавшихъ христіанскую религію. Какъ мы замѣтили уже выше, такіа лица есть въ нашемъ отечествѣ. Оказать помощь имъ, при ихъ стремленіи познать истину, составляетъ прямую обязанность каждаго богослова.

При разборѣ сочиненія Толстого «Церковь и государство», мы будемъ оцѣнивать и выяснять не отдѣльные только пункты, а всѣ, какіе только нашъ новый богословъ выставляетъ противъ православной Церкви. При этомъ содержаніе этихъ пунктовъ будемъ передавать не своими словами, а словами

¹⁾ «Необходимость, возможность и методъ научнаго оправданія христіанства» Р. Л.—«Прав. Обозр.» 1881 г. Юнь—Юль.

²⁾ Лица, не терпящіа ничего несогласнаго съ ихъ принятымъ на вѣру воззрѣніемъ, къ сожалѣнію, весьма часто встрѣчаются и между православно-вѣрующими богословами. Преосвящ. Никаноръ въ предисловіи къ 3-му вышедшему въ текущемъ году тому своей «Позитивной философіи» говоритъ по этому поводу слѣдующее: «Теперь принято не только у представителей философіи, или такъ называемой науки, но и у церковныхъ проповѣдниковъ и у богослововъ относить всю систему вѣры, не только въ ея развѣтвленіи, но и въ основаніяхъ и въ самомъ корнѣ исключительно въ область вѣры. Явленіе не отрадное. Оно свидѣтельствуетъ не только о недостаткѣ глубокаго всесторонняго знанія, но и объ ослабленіи вѣры.

самого автора ¹⁾. Поступать такъ мы намѣрены съ той цѣлю, чтобы отклонить отъ себя подозрѣніе лицъ, слишкомъ недовѣрчиво относящихся къ тѣмъ критическимъ статьямъ, въ которыхъ остаются безъ разбора тѣ или другіе пункты. Такія лица всегда могутъ заподозрить критика въ безсиліи опровергнуть всѣ тезисы разбираемаго сочиненія. У нихъ всегда можетъ явиться мысль, что въ критической статьѣ опровергнуты только болѣе слабыя мѣста сочиненія, а болѣе основательныя опущены ²⁾.

Послѣ всѣхъ этихъ предварительныхъ замѣчаній приступимъ къ разбору самого сочиненія Толстого.

¹⁾ Впрочемъ, выраженія слишкомъ рѣзкія и оскорбительныя для религіозно-нравственнаго чувства христіанина мы будемъ передавать своими словами.

²⁾ Въ этомъ недовѣрчивомъ отношеніи къ критическимъ статьямъ мы не видимъ ничего дурного. Дѣйствительно, нерѣдко можно встрѣтить критическія статьи, страдающими вышеупомянутымъ нами недостаткомъ.